

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

СТР.10-11

ЖАН-КЛОД ВАН ДАММ:
ИЗ БАЛЕТА – В КИНО

ЗАБЫТЫЙ ГЕНЕРАЛ
ЭПОХИ ПУШКИНА

СТР.14-16

Б

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№41 (122)
ОКТАБРЬ 2022

БУЛЬВАРНЫЕ
НОВОСТИ

СТР.17

ВОСПОМИНАНИЯ И
ОШИБКИ...

СТР.6-9

КАК АЛЯСКА УПЛЫЛА В АМЕРИКУ

СТР.5

тине ведь и не нужно, чтобы было совсем так, а чтобы возможность была, чтобы похоже было. Суть — то историческая картина — угадывание. Если только сам дух времени соблюден — в деталях можно какие угодно ошибки делать. А когда все точка в точку — противно даже».

Однако по сию пору никто не вменил в вину автору монументальной картины, признанной шедевром исторической живописи, отсутствие важнейшей детали: на батальном полотно нет того, кто первым бросился по почти отвесному спуску в зияющую пропасть и личным примером увлек за собой суворовских чудо-богатырей.

Этим героем был шеф Апшеронского мушкетерского полка и дежурный генерал суворовской армии генерал-майор Милорадович.

«При Сен-Готарде, в 1799 году, войска находились в недоумении и остановились на краю крутого спуска; Милорадович закричал:

— Посмотрите, как возьмут в плен вашего генерала!

И с этими словами покати́лся на спине с утеса.

Войско все последовало примеру любимого своего начальника».

Что было дальше?

«У подошвы горы ожидал неприятель; он открыл жестокий ружейный огонь; но толпа храбрых, как будто ниспадавшая с облаков лавина, обрушилась, смяла, раздавила и рассеяла неприятелей».

Простые солдаты обожали Милорадовича: он всегда вместе с ними стоял и переносил все тяготы и лишения походной жизни. «Вожь полков и вожь сердец!» — пелось о Милорадовиче в солдатской «Авангардной песне».

Ряд дошедших до нас исторических анекдотов подтверждают справедливость и искренность этих слов.

Во время сражения при Красном в 1812 году, едва генерал в парадном мундире предстал перед войсками, во всех полках раздалось: «Ура! Поздравляем с днем ангела нашего отца!». Солдаты решили, что в этот день их любимый начальник празднует свои именины. В этот момент из леса стала выдвигаться первая колонна французских войск.

«Солдаты, — сказал военачальник, обращаясь к Павловскому гренадерскому полку, — благодарю вас за поздравление и дарю вам эту колонну». Гренадеры ударили в штыки — и неприятельская колонна исчезла.

Молва о таком подарке скоро стала достоянием всего русского воинства и была запечатлена в лубочных картинках. Солдаты Апшеронского полка, которым командовал Милорадович во время Швейцарского похода, с важностью толковали солдатам других полков: «Ребята! Для нас бы наш отец не пожалел и двух французских колонн. Своя рубашка ближе к телу».

Император Александр I, произведя Михаила Андреевича в генерал-лейтенанты, сказал ему перед лицом всего войска: «Вот генерал, который достал себе чин штыком!».

Из всех генералов Отечественной войны 1812 года лишь только одному Милорадовичу царь позволил носить на войне Знак отличия Военного ордена — Георгиевский крест, учрежденный им для награждения солдат и унтер-офицеров.

«Носи солдатский крест, — сказал ему Александр — ты друг солдат!» (Однако в формулярном списке Милорадовича это пожелание не было зафиксировано.)

За Бородинскую битву Милорадович был удостоен высокой награды — алмазных знаков ордена Святого Александра Невского.

Однажды, рассказывая с жаром об этом сражении, он говорил: «Как град сыпался на нас ядра, картечи, пули, брильянты!».

В годы наполеоновских войн именно он, «друг солдат», был самым популярным и самым любимым военачальником Русской армии. Свидетельством тому «Солдатская песня о граде Милорадовиче».

Друзья, враги грозят нам боем,
Уж села ближние в огне;
Уж Милорадович пред строем
Летает вихрем на коне.
Идем, идем, друзья, на бой;
Герой, нам смерть сладка с тобой!
Но громкая слава всегда идет рука об руку со злословием.

Популярности знаменитого военачальника завидовали некоторые прославленные герои 1812 года, возмущавшие против

В. Суриков. Переход Суворова через Альпы

П. Гесс. Бородинское сражение

Поэт Денис Давыдов — Еще Россия не подымалась во весь исполнинский рост

избыточного, с их точки зрения, возвышения «русского Баярда» и трактующие Михаила Андреевича исключительно как малообразованного генерала и «пустого фанфарона». Насмешливый и желчный генерал Николай Николаевич Раевский, рассказывая о кампании 1812 года, говорил своему адъютанту: из Милорадовича «сделали великого человека».

Отголоски подобного злословия можно отыскать и в воспоминаниях Дениса Да-

видова, чья прижизненная известность явно уступала популярности Милорадовича: «Граф Милорадович был известен в нашей армии по своему необыкновенному мужеству и невозмутимому хладнокровию во время боя. Не будучи одарен большими способностями, он был необразованный и малосведущий генерал, отличался расточительностью, большою влюбчивостью, страстью изыскаться на незнакомом ему французском языке и танцевать мазурку. Он получил несколько богатых наследств, но все было им издержано весьма скоро, и он был не раз вынужден прибегать к щедротам государя. Беспорядок в командных войсках был всегда очень велик; он никогда не ночевал в заблаговременно назначаемых ночлегах, что вынуждало адъютантов подчиненных ему генералов, присылаемых за приказаниями, отыскивать его по целым ночам».

Отделим злати от полевел.

Да, у графа были большие долги. «Не понимаю, — говорил Милорадович, — как можно жить без долгов?»

Но если его ординарец во время Бородинского сражения князь Петр Андреевич Вяземский, известный поэт, мемуарист, закадычный друг Пушкина и Дениса Давыдова, был страстный игрок в карты и в азарте карточной игры «прокиятил» полмиллиона рублей, то Милорадович играл лишь в шахматы. Деньги же он щедро тратил на своих подчиненных.

После одного из сражений генерал увидел сильно изрубленного гусара Белорусского гусарского полка.

— Сколько у тебя ран?

— Семнадцать!

Тут же, на месте, Милорадович отсчитал гусару 17 золотых червонцев, за каждую рану по одному (251 464 рубля в реалиях конца 2021 года).

«Милорадович был расточителен, особенно же в тех случаях, когда, по его мнению, требовала того честь имени русского. В Италии, Германии, Франции и Валахии осыпал он наградами художников, являвшихся к нему со своими произведениями, и особенно, когда они изображали какой-нибудь подвиг русского оружия».

Да, действительно, Милорадович любил говорить по-французски. Простим ему эту слабость! Язык граф знал плохо и изъяснялся на нем с заметным малороссийским акцентом. (Акцент объяснялся его сербско-герцеговинско-малороссийским происхождением. Сербские дворяне Милорадовичи с XVIII века состояли на русской службе. Его отец, сподвижник и друг Суворова, в чине генерал-поручика был пожалован богатим именован Воронки в Лубенском уезде Киевского наместничества. Мать — малороссийская дворянка Горленко.)

Но нет ни малейшего основания говорить о необразованности Милорадовича.

В юности он получил изрядное европейское образование. Обучался в Кенигсбергском университете, где слушал лекции великого Канта.

Потом провел два года в Геттингенском университете, откуда для усовершенствования в военных науках был послан родителями в Страсбург и Мец, где прилежно изучал фортификацию и артиллерию.

В светском обществе не было принято кичиться своей образованностью и ученостью. Таков был дух времени. Полковые товарищи не жаловали ученых и самовлюбленных педантов. Милорадовичу, чтобы не стать жертвой злословия, поневоле приходилось притворяться к месту, скрывая свою ученость под маской малообразованного служки.

Об этой выразительной и говорящей примете времени юный Пушкин написал в лицейском послании к лейб-гусару Каверину:

И черни презирай ревнивое роптанье.
Она не ведает, что можно дружно жить
С стихами, с картами, с Платоном и с бокалом,

Что резых шалостей под легким покрывалом
И ум возвышенный и сердце можно скрыть.

Именно так рассуждал и Милорадович. За Платона не поручусь, но с Кантом он жил дружно. До сих пор никто не обратил внимания, что Михаил Андреевич в важные моменты своей жизни, прямо не ссылаясь на Канта, поступал, руководствуясь его философией.

На вопрос, как приобрел он такую неограниченную любовь офицеров и солдат, генерал ответил обстоятельно и открыто:

«Искусство не трудное: никогда не заставляя я войско ждать меня ни в походе, ни на учебном месте; ездил не за колон-

Окончание. Начало на с.15

нами, не в экипаже, но все верхом на лошади, всегда в виду солдат; не изнурял их на войне пустыми тревогами; являлся первый в огонь; при несчастных случаях был веселее обыкновенного».

Иными словами, свои взаимоотношения с подчиненными и во время войны, и в мирное время Милорадович выстраивал, руководствуясь знаменитым категорическим императивом Канта:

«Поступай только согласно такой максимы, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом».

Иммануил Кант утверждал:

«Природа даже в состоянии хаоса может действовать только правильно и слаженно».

Милорадович не только усвоил урок учителя, но и творчески развил его в своей боевой деятельности, фактически предвосхитив столь модную в наши дни идею управляемого хаоса. В командах своих им войска наблюдались лишь кажущийся беспорядок: военачальник всегда держал ситуацию под контролем. Его адъютант Федор Николаевич Глинка, поэт пушкинской плеяды и военный писатель, более всех других современников сделавший для сохранения от забвения мифа о «русском Баярде», запечатлел образ Милорадовича во время Бородинской битвы:

«Тут все в беспорядке!» — говорили ему, указывая на разбитые колонны.

«Бог мой! (его привычное слово). Я люблю это! Порядок в беспорядке!» — повторял он протяжно, как будто нараспев.

Пули сшибали султан с его шляпы, ранили и били под ним лошадей; он не смущался: перемещал лошадей, закуривал трубку, поправлял свои креслы и обивал вокруг шеи амарантовую — розовато-красную, почти светло-малиновую шаль, которой концы живописно развевались по ветру».

Однако порядок в беспорядке хорошо во время войны, но не может быть терпим в мирное время, особенно в лейб-гвардии. Великий князь Николай Павлович (будущий император Николай I) не скрывал своего возмущения. Именно после окончания Заграничных походов зародилась его неприязнь к Милорадовичу, как на дрожжах выросшая в период междоусобицы 1825 года.

Обратимся к «Запискам» государя.

«Гвардия оставалась в продолжительное отсутствие Государя под начальством графа Милорадовича. В сие-то время и без того уже расстроенный трехдневным походом порядок совершенно разрушился; и к довершению всего дозволено было офицерам носка фраков. Было время (поверит ли кто сему), что офицеры езжали на ученье во фраках, накинув шинель и надев форменную шляпу. Подчиненность исчезла и сохранялась только во fronte; уважение к начальникам исчезло совершенно, и служба была одно слово, ибо не было ни правил, ни порядка, а все делалось совершенно произвольно и как бы по повелению, дабы только жить со дня на день».

19 августа 1818 года граф сдал командование Гвардейским корпусом и получил новое назначение — петербургским военным генерал-губернатором.

В апреле 1820 года Александр I приказал ему произвести обыск у поэта Пушкина, изъять «противуправительственные стихи», а их авторов арестовать.

Граф ослушался государя. Он «счел более деликатным...пригласить Пушкина к себе и уж от самого вытребовать его бумаги».

В кабинете Милорадовича Пушкин по собственному почину написал «целую тетрадь» всего, что было им сочинено «с отметкою, что мое, а что разошлось под моим именем».

(Любый пушкинист продал бы душу дьяволу, чтобы разыскать «тетрадь Милорадовича»!)

Рыцарский поступок поэта восхитил генерал-губернатора, и он от имени царя объявил поэту прощение. Звание генерала, состоящего при особе Его Величества, с 1813 года носимое Милорадовичем, давало ему право объявлять словесные повеления царя, которые с этого момента приобретали силу закона. На прощание сановник дал поэту совет:

«Если вы уже решились нападать на правительство, почему же вы ничего не пише-

те о Сенате, который не что иное, как зверинец или свинарник?»

Царь был недоволен поспешным прощением Пушкина, но не стал отменять решения «рыцаря без страха и упрека».

Фактически своим поступком граф спас поэта, сына своего бывшего однопольщика, от грозившей ему ссылки в Соловецкий монастырь или Сибирь.

В письме к В. А. Жуковскому от начала мая 1820 года С.Л. Пушкин писал:

«Что касается графа Милорадовича, то я не знаю, увида его, брошусь ли я к его ногам или в его объятия».

ПОМИНИ
ПО БОРОДИНСКОЙ БИТВЕ

Милорадовича помню

В битве при Бородине:

Был он в шляпе без султана

На гнедом своем коне.

Бодро он и хладнокровно

Вел полки в кровавой бой,

Строй за строем густо, ровно

Выступал живой стеной.

Только подошли мы ближе

К средоточию огня,

Взвизгнуло ядро и пало

Перед ним, к ногам коня,

И, сердито землю роя

Адским огненным волчком,

Не затронуло героя,

Но осыпало песком.

«Бог мой! — он сказал с улыбкой,

Указав на вражью рать, —

Нас завидел неприятель

И спешит нам честь отдать».

Князь П.А. Вяземский 1869 г.

НЕСКОЛЬКО ФАКТОВ
ИЗ ЖИЗНИ МИХАИЛА
МИЛОРАДОВИЧА

В 1760-х отец Михаила Милорадовича служил под командованием легендарного полководца Александра Суворова. Их связывали не только профессиональные, но и дружеские отношения. Это подтверждает одно из писем, которое Суворов отправил Милорадовичу-старшему в октябре 1773 года: «Милостивый Государь мой Андрей Степанович. При отъезде моем целую Вас! Не забудь меня. Благодарствую Ваше Превосходительство за Вашу благосклонную дружбу». Спустя много лет Александр Васильевич взял шефство над сыном друга.

Существует легенда, согласно которой легендарный полководец сказал, увидев маленького Михаила Андреевича: «Милорадович будет славным генералом». Предсказание сбылось. Под командованием Суворова он участвовал в знаменитых Итальянском и Швейцарском походах. Одно из главных своих побед одержал во время Русско-турецкой войны 1806—1812 годов. В 1809 году корпус, которым он командовал, взял верх над войском Османской империи в Рессеватском сражении, за что Милорадович получил звание генерала от инфантерии.

Михаил Милорадович, как и многие другие известные русские генералы, — персонаж бесконечного множества исторических анекдотов.

Один из них отсылает к некому безымянному сражению, в котором солдаты графа Милорадовича не могли взять вражескую батарею. Тогда, чтобы воодушевить своих бойцов, Михаил Андреевич бросил कुछ георгиевских крестов на позицию врага.

Медаль «В память 100-летия со дня рождения графа М.А. Милорадовича». 1871 г.

Портрет Ф.Н. Глинки. Репродукция. 1994 г.

О. Кипренский. Портрет актрисы Екатерины Телешовой. 1828 г.

га и крикнул: «Собирайте!» После этого солдаты бросились в очередную атаку и, наконец, взяли батарею. Те, кто остался в живых, оставили собранные знаки отличия себе.

Еще один анекдот раскрывает тему отношения Михаила Милорадовича к трагатам. В 1814 году в Париже после взятия города граф очень нуждался в деньгах. Тогда он попросил Александра I выдать ему на руки жалованье за три года вперед. Император выполнил просьбу генерала. Все эти деньги Михаил Милорадович успел потратить еще до выезда из французской столицы.

После Отечественной войны 1812 года, когда молодые русские офицеры вернулись на Родину, в стране стали появляться тайные политические общества. Среди тех, кто принимал активное участие в их собраниях, был один из приближенных генерала — его адъютант в армии и правитель канцелярии на гражданской службе Федор Глинка.

В 1813 году после окончания Первого кадетского корпуса 27-летний прапорщик Федор Николаевич прибыл служить в Апшеронский пехотный полк, руководил которым Михаил Андреевич.

«Нас представили генералу после его обеда, — вспоминал Глинка. — Он лежал в мундире нараспашку и курил трубку... Окинув взором нас, молодых офицеров, и видя, что все мы были дробны ростом, Милорадович улыбнулся шуточно, не сар-

донически (он мог вспылить, рассердиться, но не умел язвить) и сказал: «Ну, Бог мой! Теперь только нам нужна война! Война! А войны есть!»

Через шесть лет, пройдя под командованием Милорадовича множество сражений, Федор Глинка стал его адъютантом.

В 1816 году полковник Глинка вступил в «Союз спасения», а затем, когда тот распался, — в «Союз благоденствия». В отличие от других участников этих обществ, он придерживался умеренных взглядов. Кстати, знаменитое собрание членов «Союза благоденствия», состоявшееся в январе 1820 года, на котором они выбирали форму правления для России, проходило именно на квартире Федора Николаевича. Почти все собравшиеся тогда проголосовали за республику, лишь Глинка высказался за сохранение монархии. После распада «Союза благоденствия» он отказался от вступления в Северное общество и полностью отошел от тайных политических дел.

После поражения бунтовщиков в 1825 году начались допросы и аресты участников тайных обществ. Этой участи не избежал и Федор Глинка. Его задержали 11 марта 1826 года и поместили в Петропавловскую крепость. 15 июня 1826-го его отправили в ссылку в Петровск и увелили с военной службы, а в 1830-м перевели в Тверь, где он жил до самой смерти. Скончался бывший адъютант Милорадовича в 1880 году в возрасте 93 лет.

Михаил Милорадович никогда не был женат, но был известен многочисленными романами. Существует легенда, что после смерти графа нашли сундук, полный любовных посланий от поклонников.

Во время работы на должности президента Театрального комитета России он познакомился с балериной Екатериной Телешовой. Юная красавица, которая была младше графа на 33 года, стала последней любовью генерал-губернатора. Страсть к ней сделала Милорадовича соперником писателя и дипломата Александра Грибоедова.

Грибоедов впервые увидел Екатерину Телешову в 1824 году в роли Волшебницы на сцене петербургского Большого театра в балете «Руслан и Людмила». Александр Сергеевич был сражен и под впечатлением от постановки написал стихотворение «Телешовой» с подзаголовком: «В балете «Руслан и Людмила», где она является обольщатель князя».

Зачем манишь рукою нежной? Зачем влечешь из дальних стран Пришельца в плен твои неизбегный, К страдальцу неисцельных ран?

Чуть позже их представили друг другу на вечеру у князя Александра Шаховского. В письме своему другу Степану Бегичеву от 4 января 1825 года Грибоедов рассказывал: «В три, четыре вечера Телешова меня с ума села, и тем легче, что в первый раз, и сама свывалась с тем чувством, от которого я в грешной моей жизни чернее угля выгорел. И что для меня заманчиво было, что соперником у меня — Милорадович, глуп, хвастлив, идола Шаховского, который ему подличает. Обиды скоты!»

Интересна причина, по которой Грибоедов назвал соперничество с Михаилом Андреевичем «заманчивым». В 1824 году Александр Сергеевич согласовывал с цензорами свою пьесу «Горе от ума» и одним из людей, принимавших решение по публикации произведения, был Михаил Милорадович. Несколько месяцев Грибоедов ходил в Особую канцелярию Министерства внутренних дел, но каждый раз получал все новые и новые правки. Параллельно с печатной версией «Горя от ума» Грибоедов готовил и его сценическую постановку, но и она пострадала от цензуры — ее в 1825 году запретил лично Милорадович. Ходили слухи, что из-за Телешовой.

Балерина ответила Грибоедову взаимностью, но их роман продолжался недолго — в мае 1825 года Александр Сергеевич уехал на Кавказ, а Екатерина Александровна вернулась к Милорадовичу.

26 декабря 1825 года весть о начавшемся мятеже застала генерала буквально на пороге квартиры Телешовой. Оттуда он сразу отправился на Сенатскую площадь.

Смертельно раненный на Сенатской площади во время восстания декабристов, граф Милорадович скончался в три часа ночи 26 декабря 1825 года. Погребение графа было совершено «на счет казны».